

В ПОСЛЕДНИЕ месяцы Алексея Максимовича все чаще волновали глобальные вопросы. Он словно скился подняться на какую-то небывалую высоту, чтобы представить мир в целом.

«Загадки бытия. Человек и космос. Искусственное ограничение количества и качества мышления энергии. Первое в космосе обитающее органической жизни...»

«Искусственное ограничение количества и качества мышления энергии?.. Не об этом ли все те четыре статьи в «Правде», которые громом громыхнули в начале 36-го года? Ограничение энергии и, направление ее, остаток в нужное Хозяину русло?..»

Как-то он разговаривал с профессором Н. Бурденко о жизни и смерти, возможностях медицины и задачах, встающих перед ней, о необходимости создания «биологической философии человека». А в итоге свернул на традиционное: «Врач должен уметь оздоровить больную, часто патологическую психологию пациента. В этом залог успеха врача в борьбе с болезнью, которая должна уступить место здоровью, норме».

«В здоровом теле — здоровый дух», — говорили древние. Можно сказать и наоборот: здоровый дух — условие здоровья тела. А его дух в последнее время все больше и больше одолевала мучительные сомнения и противоречия...»

Писатель исследует жизнь до последнего дыхания. Когда он совсем уже не может обогатиться новыми фактами извне, он обращает взор в глубь собственной души, вступающей на грань небытия. Карандашом на маленьких листочках, подложив книгу Е. Тарле «Наполеон» (последнюю из тысяч и тысяч, прочитанных им), писал: «Вещи тяжелеют: книги, карандаш, стакан и все кажется меньше, чем было...», «Крайне сложное ощущение. Сопрягаются два процесса: вялость нервной жизни — как будто клетки нервов гаснут — покрываются пеплом и все мысли серуют, в то же время — бурный натиск желаний говорить, и это восходит до бреда, чувствую, что говорю бессвязно, хотя фразы еще осмыслены...»

Костер жизни догорал. Блетки покрывались пеплом...»

Врач М. П. Кончаловский вспоминает: «За два дня до смерти Горький почувствовал значительное облегчение. Появилась обманчивая надежда, что и на этот раз его могучий организм справится с недугом... Горький сказал нам, врачам, лечащим его, и в частности, мне: «По-видимому, выскочу».

Не высочил...»

«Конец романа — конец героя — конец автора». Это были последние слова, которые он произнес. Написать уже не было сил. Жизнь Горького оборвалась 18 июня 1936 года в 11 часов 10 минут...»

Не успел смежить веки, как в его доме появились люди. Один из сотрудников журнала «Наши достижения», Глеб Глинка, в недавнем прошлом активный член литературной группы «Перевал», оказавшийся позднее за границей, опубликовал в «Социалистическом вестнике» воспоминания, в которых воспроизвел обстоятельства того, что не называя иначе как обьксн в квартире покойного писателя.

«В особняк на Поварской улице в Москве назначали группу из нескольких литераторов под председательством редактора журнала «Наши достижения» Василия Тихоновича Бобрышева. Здесь рукописей оказалось

много. Работали всю ночь. И уже под утро, когда все сотрудники едва держались на ногах, с нижней полки заваленной книгами и старыми газетами этажерки была извлечена еще одна объемистая папка, с канями-то старыми черновиками, и среди них оказалась толстая тетрадь в клеенчатой обертке. К тетради сразу потянулись несколько рук. Кто-то раскрыл ее в начале, в середине, еще раз в середине и в конце. Через его плечи смотрела остальные.

кажущая атмосфера восторженности в страхе. Когда в 1936 году начался процесс над Бухаринным, ему, среди прочих сверхфантастических обвинений, было предъявлено и обвинение в смерти Горького (к чему он, разумеется, не имел никакого отношения).

Одним из непосредственных виновников смерти Горького был объявлен лечащий врач висител, доктор медицинских наук Л. Левин (ему вменялось в вину и убийство В. Менжинского).

утошать своих посетителей. На этот раз он щедро одарил конфетами двух санитаров, которые при нем работали, и сам съел несколько конфет. Через час у всех троих начались мучительные желудочные боли, еще через час наступила смерть. Было немедленно произведено вскрытие. Результат? Он соответствовал нашим самым худшим опасениям. Все трое умерли от яда.

Мы, врачи, молчали. Даже тогда, когда из Кремля была продиктована совер-

ше повинными людьми (погибло тогда 154 человека).

Но есть ли полная гарантия, что в начале войны, в условиях стремительного наступления немцев велся абсолютно точный учет, кто и когда расстрелял? Ведь известно много случаев, когда даты трагической гибели людей фиксировались чисто условно. До «деталей» ли было? Важно, чтобы в стране постоянно сохранялся страх.

Вернемся, однако, к Горькому. 8 июня его посетили

Ну, конечно, для Хозяина встреча с наркомвуделом оказалась полнейшей «неожиданностью»...

Вряд ли эта версия об отравлении может быть полностью доказана, как пока не доказана с исчерпывающей полнотой версия об отравлении Вехтерева, как загадочными остаются обстоятельства смерти И. Павлова, гибели Чкалова. Разные люди, разные профессии... Сходство одно: каждый чем-то не угодил Хозяину.

литераторов, напомнил авторграф, сделанный Ильей Самсоновичем на его книге «Семь лет с Горьким». На вопрос о судьбе Горького Шкапа ответил буквально следующее: «Убежден, что Горький убит Сталиным так же, как Бухарин, Крестинский и другие».

Постоянно находившаяся при Горьком в его последние дни Екатерина Павловна не верила, что совсем обошлось без внешнего вмешательства. Умирая, он оттачивал протравиваемые ею лекарства со словами: «А, вы хотите отравить меня!» Рассказала мне об этом Марфа Максимовна 21 января 1988 года.

Ясно одно: Горький сделал все, что от него мог ожидать Сталин (а многого, как мы знаем, и не сделал). Теперь писатель только мешал великому вождю в осуществлении его грандиозных планов. Спустя всего два месяца после смерти Горького, 19 августа, начнется процесс над Зиновьевым, Каменевым и их «сообщниками», одно из самых позорных судилищ, какие только знало человечество.

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

КОСТЕР И ПЕПЕЛ

туркменская искра - Ашхабад - 1990 - факт.

Из книги
В. Баранова
«Максим Горький.
Загадки жизни
и тайна смерти»

Все молчали, но чувствовалось, как комната заливается туманом страха.

— Без паники! Ни один из сотрудников не сойдет с места! — И, тяжело опустив ладонь на закрытую тетрадь, Бобрышев прибавил: — Немедленно вызываю уполномоченного НКВД! Понятно, товарищи?

На Лубянке в кабинет следователя вызывали по одному. Каждый дал подписку о неразглашении. Каждого предупредили, что если хоть одним словом проговорится, хотя бы собственной жене, — будет немедленно ликвидирован вместе со всем семейством. Тетрадь, обнаруженная в особняке на Поварской улице, была дневником М. Горького. Полный текст этого дневника был прочитан разве только самым ответственным работником НКВД, кое-кем из Политбюро и уж, конечно, Сталиным».

Не прошло и двух недель после разбора архива Горького, как журнал «Наши достижения» и другие журналы были закрыты, а редакционные работники, включая машинисток, арестованы. «Затем, — продолжал Глинка, — начались поавальные аресты всего горьковского окружения. Даже писателя Зазубрина, который, по стариковской дружбе, приходил вечером к Горькому чайку попить, отправили в концлагерь. Письма Горького, находившиеся в руках у советских граждан, предложено было сдать в государственный архив.

Тех, кто не торопился с этим делом, вызывали на Лубянку. Тогда же были арестованы врачи, лечащие Алексея Максимовича в последние годы его жизни».

Существовал ли горьковский дневник в действительности, или это еще одна легенда из многих, окружавших жизнь писателя в последние годы? Еще одна, последняя загадка, которая, возможно, никогда и не будет разгадана? Нетрудно, однако, догадаться, какие сведения могли бы оказаться в дневнике и какую общественную ценность могли они представлять.

Из различных источников известно, что отношения Сталина и Горького в последние годы крайне осложнились, и, пожалуй, Сталин более всего был озабочен тем, что Горький упрямо отказывался писать книгу о нем. Ну, если не книгу, то хотя бы статью «Левин и Сталин» для «Правды».

Смерть великого писателя была использована для

На суде в ответ на вопрос, почему он согласился на злодейское предложение Ягоды, которому инкриминировалась организация этих убийств, подсудимый ответил: «Психологически я объясняю это какой-то трусостью, причем не за свою жизнь... Меня больше страшило то, что он (Ягода — В. Б.) пригрозил разгромить мою семью». Другим врачом, которому также приписывалась вина в убийстве Горького, был профессор Московского университета, терапевт Д. Плетнев, так же, как и Л. Левин, реабилитированный посмертно.

ВЕРСИЯ о насильственной смерти Горького существует не только в сталинско-ягоднском «исполнении», но и в ином варианте. Утверждают, что принадлежит она профессору Плетневу, который был осужден на 25 лет лагерей и выслан на Крайний Север. Выглядит версия так (привожу ее в изложении известного художника Юрия Анненкова, автора книги «Дневники моих встреч. Цикл трагедий», изданной в 1966 году в Нью-Йорке и включающей очерк о Горьком, написанный, кстати, весьма благожелательным пером): «Тайна смерти Горького, постигшая его в СССР в 1936 году, остается еще неразгаданной, тем более после разоблачений по поводу несуществующих «преступных заговоров» докторов... Я верю... признаям профессора Плетнева, большого медика, который вместе с некоторыми другими докторами лечил Горького... «Мы лечили Горького от болезни сердца, но он страдал не столько физически, сколько морально: он не переставал терзать себя самоупреками. Ему в Советском Союзе уже нечем было дышать. Он страстно стремился назад, в Италию. На самом деле Горький старался убежать от самого себя — сил для большего протеста у него уже не было. Но недоверчивый деспот в Кремле больше всего боялся открытого выступления знаменитого писателя против режима. И, как всегда, он в нужный момент придумал наиболее действенное средство. На этот раз этим средством явилась бонбоньерка, да, светло-розовая бонбоньерка, убранный яркой шелковой лентой. Одним словом — красота, а не бонбоньерка. Я и сейчас ее хорошо помню. Она стояла на ночном столике у кровати Горького, который любил

шею лживая официальная версия о смерти Горького, мы не противоречили. Но наше молчание нас не спасло. По Москве поползали слухи о том, что Горького убили. Сосо его отравил. Эти слухи были очень неприятны Сталину. Нужно было отвлечь внимание народа, отвести его в другую сторону, найти других виновников. Проще всего было, конечно, обвинить в этом преступлении врачей. Врачей бросили в тюрьму по обвинению в отравлении Горького. С какой целью врачи отравили его? Глухой вопрос. Ну, конечно, по поручению фашистов и капиталистических монополий. Конец? Конец вам известен».

Многое, очень многое здесь требует тщательного анализа и проверки. Прежде всего: из каких источников мы узнаем свидетельство Плетнева? В 1954 году его впервые обнародовал тот же «Социалистический вестник». Дело излагается следящим образом. В 1948 году в Воргуте Плетнев познакомился с заключенной, журналисткой Бригиттой Герланд, немкой по национальности, которая стала работать фельдшерницей годичного лазарета. Продолжалось это несколько месяцев. По-видимому, расположившись к ней и не желая уносить тайну в могилу, престарелый профессор, а было ему в это время 78 лет, доверил ее своей сотруднице.

Касаясь свидетельства Бригитты Герланд, А. Ваксберг в «Литературной газете» ставит эту версию под сомнение. Однако отметим одну неточность в изложении самого А. Ваксберга: журналистка якобы «описала свою встречу с Плетневым. И вправду получается маловероятная картина: опасающийся за свою жизнь (сенькой вокруг стукачей, «вертухаев» и т. д.) врач доверит такую тайну малоизвестному человеку при какой-то случайной встрече (где? на пересыльном пункте? в тюрьме)? Да еще иностранке! Да еще о ком — о Сталине! Да еще при его жизни! И, согласитесь, совсем другое дело, если Герланд проработала с Плетневым несколько месяцев.

О втором, более существенном аргументе в руках А. Ваксберга. Он приводит данные о том, что Плетнев был расстрелян 11 сентября 1941 года в подвалах Орловской тюрьмы вместе с многими другими ни в чем

Сталину. Молотов, Ворошилов. Но прощание оказалось преждевременным. Доподлинный свет на картину смерти Горького проливают опубликованные лишь недавно свидетельства Е. П. Пешковой, П. П. Крючкова, М. И. Будберг и О. Д. Чертовой, медсестры, состоявшей при Горьком много лет. Документы хранятся в архиве Горького и опубликованы 12 июля 1989 года в «Литературной газете» доктором филологических наук В. Барановым.

Оказалось, что Сталин посещал прикованного к постели Горького трижды: кроме 8 июня, еще 10-го и 12-го. Умевший вести себя сдержанно, во всей этой истории он вел себя нервно, странно. В первый приезд, когда после очередной порции уколов Горькому стало лучше, удивился, почему в комнате так много народу и почему господствует похоронное настроение. «Кто за это отвечает?» — «Я отвечаю», — сказал П. Крючков. Последовала знаменательная реплика: «Зачем столько народу? Вы знаете, что мы можем с вами сделать?» Затем, внимательно оглядев присутствующих, спросил: «А это кто рядом с Алексеем Максимовичем, в черном? Монашка, что ли?» Это была М. И. Будберг, и знание монашки, как известно, весьма мало ей подходило. «А это?» На сей раз внимание Хозяина привлекла фигура в белом. Это была Лилочка, медсестра. «Всех отсюда вон, — распорядился Сталин. — Кроме этой в белом халате».

Спросил, есть ли в доме сухое вино: надо бы вылить за выздоровление хозяина по стаканчику. Выпили... Выздоровление — не выздоровление, но по временам болезнь словно бы отступала, и Горький, как бы совершенно здоровый человек, разговаривал со Сталиным о развитии литератур народов СССР, о французской литературе и новых именах в ней...

Второй раз Сталин приехал ночью, в 2 часа. Горький спал. Мария Игнатьевна оказалась менее податлива, чем доктор Левин, заколебавшийся, не разбудить ли Горького в связи с приездом высокого гостя, — воспротивилась решительно. Приехал и в третий раз, 12-го. По воспоминаниям М. И. Пешковой, распорядился открыть форточку, хотя О. Чертова считала, что это опасно. Как-то, увидев в столовой Ягод, спросил: «А этот зачем здесь болтается?»

В конце концов история с конфетами, присланными Сталиным, выглядит, конечно, достаточно наивно, и ее дружно отвергают родные и близкие писателя, например, его внучка Марфа Максимовна. Но кто его знает, может быть, и пущена была версия в таком примитивном виде, чтобы скомпрометировать саму идею отравительства?

МЕЖДУ тем существующие и другие попытки объяснения финала горьковской судьбы, игнорировать которые мы не вправе. Одна из них принадлежит Л. Троцкому. Основываясь на свидетельствах людей, близких к Г. Ягоде, Л. Троцкий приводит любопытные подробности деятельности наркомвудела, имевшего в молодости касательство к фармакологии. Кстати, совершенно не прав секретарь Сталина Ванянов, который в своих воспоминаниях заявляет весьма категорично: «...Ягода был вовсе не фармацевтом, как гласили слухи, которые он о себе распускал, а подмастерьем в траверной мастерской старика Свердловова».

Материалы нижегородских архивов свидетельствуют, что в 1907 году после четырех классов городского училища Ягода поступил учеником к аптекарю Зулю. Ушел он из аптеки через несколько месяцев, действительно не закончив полного фармацевтического образования, но, получив тем не менее определенные профессиональные навыки. А распускать ему самому о себе слухи о причастности к фармацевтике вряд ли было выгодно. И вот почему. Человек, работавший в ведомстве Ягоды, признался Троцкому, что под началом нарнома действовала целая токсикологическая лаборатория, в которой в обстановке строгой секретности работали люди, финансируемые без ограничений. У Ягоды был целый шкаф различных ядов.

В момент, когда болезнь Горького начала отступать, Сталин, по мысли Л. Троцкого, «слегка помог разрушительной силе природы».

«Литературная газета» 23 ноября 1988 г. опубликовала очерк Л. Беляевой об Илье Самсоновиче Шкапе, прошедшем через тюрьму и лагерь и перешагнувшем рубеж 90-летия. Еще 10 октября 1988 г. я имел с ним подробный разговор по телефону. Напомнил встречу в Колонном зале Дома Союзов в марте 1965 года на съезде российских

Да, Горький теперь только мешал Сталину. И у Сталина под рукой было множество способов устранения препятствий на пути к поставленной цели. Он пошел гораздо дальше принципа, провозглашенного в знаменитой статье «Если враг не сдастся...» Он мог уничтожить любого, кто мешал ему в осуществлении планов. Любого, включая и того, кто еще совсем недавно считался его другом.

Выскажу предположение, которое может показаться даже абсурдным. Книга А. Баранова «Сталин» вышла в 1935 году и тотчас была переиздана в «Роман-газете» тиражом 300 тысяч экземпляров (о чем сообщала и зарубежная пресса). И вот в том же 1935 году А. Баранов... умирает в Советском Союзе. Ну, кто мог предположить что-либо подозрительное?.. Кстати сказать, во время встречи с Барановым в 1935 году в СССР Роман Роллан с удовлетворением отмечал, что его соотечественник выглядит хорошо, бросил курить, настроен бодро. Между тем, если задуматься в изверженную логику сталинских действий, можно прийти к кое-каким выводам. Во-первых, книга-панегирик написана, и главная цель Хозяином достигнута. Во-вторых, есть ли полная гарантия, что восхитившийся им автор не дрогнет, не проявит слабость перед лицом тех грандиозных судебных спектаклей-трагедий, которые вскоре должны были развернуться и о которых пока знал только один Главный Режиссер? Ясно, что полная гарантия тут невозможна, а даже малейший риск в таких делах должен быть исключен начисто. В-третьих, найдется ли тот, кто заподозрит, что человека, сделавшего столь важное дело, убирает другой человек, который в успехе этого дела заинтересован более всего?

Но, может быть, высшая «мудрость» Руководителя и состоит в том, чтобы совершать поступки, не укладывающиеся в рамки традиционной — названных представлений, во власти которых коротают свои дни простые люди, «винтики»? Те, что придерживаются тысячелетиями сложившихся норм. Но кто доказал, что никогда, ни в каких случаях нельзя отступать от этих норм? А если ради Великой Цели? Той самой, во имя которой рождается «великая энергия»?..

Публикацию подготовила
Л. СТОЯНОВА.
(«Журналист», № 7
1990 г.).